

Ладно вечером, хоть и в крохотной, но хорошо натопленной квартирке, когда за окном с упорством слабоумного барабанит по крыше дождь, а на столе стоит скромный, но сытный ужин. Втянул Мих носом дух отварной картошки, что маслом полита и чесноком рубленными обсыпана, пододвинул разрезанную жирную сельдь, что в бочках привозят, ветчину поставил.

Витольд Львович тоже в нетерпении прибывал. Оголодал за день, несчастный, поглядывал на котелок, как только Мих его занес, теперь уже за столом сидел. Едва последние приготовления орчук закончил да хлеб ржаной порезал, накинулись они на еду, словно волки на беззащитное стадо овец. Минут пять всего прошло, как Меркулов отодвинулся. Может, и тут свои способности использовал, а может, попросту быстро есть привык. Вот орчук, тут другое дело, он не торопится. Степенно картошку откусит, губы в масле испачкав, потом сельдь от кости отделит, на хлеб положит, прожует, подумает да и все же ветчинкой закусит.

Так бы и прибрал все, что на столе было, да только в дверь стукнул кто. Слабо так и неуверенно, будто ошибся. Витольд Львович махнул Миху, дабы не вставал, и сам отворил. А на пороге, страсти Господни, стоит фигура крошечная, мокрая как мышь, из-под наклепанных на лоб волос глаз совсем не видно. Хорошо, господин быстрее орчука опомнился, поволок Сеньку к ярко дышащей огнем печке да стал спешно раздевать. Натекло с дрожащего мальчонки, точно с утопленника, на берег вытащенного. Сам бедолага руками обхватил себя и дрожит как лист осенний на ветру.

Тут уже и Мих на ноги поднялся, отер руки да порылся в своих вещах – перебрался он к Витольду Львовичу третьего дня, да и как перебрался, всего вещей у него: несколько рубашек, сапоги, мундир служебный. Где упадет, там и постель. Вот и теперь, взял безрукавку, что поменьше да почище, к мальчонке подошел, подал. Пока одевался, оглядел того – худой страсть какая. Хотя орчук понимал, что по малолетству все пацаны уличные, что не барчуки, сплошь жилистые, вертлявые, как угри, но у Сеньки и вовсе ребра проступают. Вот она, значит, какая жизнь воровская, вольная. Не дай Бог такой свободы голодной.

Витольд Львович меж тем одежду выжал да повесил рядом с печкой. Теперь должна быстро высохнуть, жар тут отменный, и пяти минут невозможно просидеть. Сам ручник схватил, на котором Мих котелок притащил, да вытер волосы мальчонке. Сенька, уже дрожать переставший, было рот открыл, только Меркулов его сразу остановил. Как ребенка малого посадил за стол, еду пододвинул. А паренька и уговаривать не пришлось, коршуном на картошку еще не остывшую накиннулся. Миху и не жалко, он и так почти наелся.

А вот уже после, когда мальчонка отодвинулся да об себя руки вытер (орчук нахмурился, но слова против не сказал, парнишка уличный, какие у него манеры?), Витольд Львович с другой стороны сел и стал неспешно спрашивать, что видел. Дознавался долго, усердно, со всеми подробностями. И ладно бы что выяснилось, так чепуха всякая.

По словам Сеньки, долгое время в кабинете вовсе никого не было. Он даже на крышу напротив залез, чтобы внутрь заглянуть. А вот после обеда подъехал к обер-полицмейстерству экипаж с двумя господами. Один старый совсем, толстый, другой длинный как шпала, худее намного. Вот после них в кабинете оживленнее стало. Даже с улицы разговоры слышны были, негромкие, слов не различишь, но долгие, со спорами даже. Вроде, потом еще кто там появился, и совсем тихо стало. Хотел было Сенька снова на крышу слазить, поглядеть, да дворник его поймал, чуть метлой не отходил. А потом уже дождь зарядил, спрятался мальчонка под навес. Более ничего и не происходило.

Меркулов головой покачал, по всей видимости, на другой исход он надеялся. Но все же голос подал.

- Получается, зря мокнул. Ну ничего, тогда будем действовать в высшей степени нагло. Мих, приberi, я пока письмо набросаю.

Сходил Витольд Львович за бумагой, пером, самым обычным, а не таким, что у профессора дома было, и сел. Первое послание он закончил быстро. Как орчук успел подсмотреть, там всего несколько строк было, а вот второе более обстоятельно уже составил. Почерк у Витольда Львовича на заглавье был – ровный, красивый, с завитушками в заглавных буквах. Потому удалось подсмотреть Миху несколько слов «святыня», «Рее Ол Дейн», «обер-полицмейстерство». Далее Меркулов обернулся, потому орчук смешался и любопытничать перестал.

Сложил оба письма титулярный советник, адреса на них написал, в свою комнату сходил и принес самую настоящую печать и дешевый кусковой сургуч коричневого цвета. Склеил оба конверта, теперь поверх красовалась «М», орчук догадался, что это обозначение фамилии. Там еще какие-то вензеля были, махонькие совсем, по которым дворяне только и могли отличить от кого именно письмо. Этих «М» раскидано по Славии предостаточно, неграмотный какой мужик и вовсе не поймет, а вот образованный человек, ученый, запросто.

- Это письмо, – указал он Сеньке на конверт с несколькими строками, – отнесешь по тому же адресу, Его превосходительству обер-полицмейстеру Муханову Александру Александровичу. Да не робей, к нему тебя все равно не пустят. А тебе и не надо. Главное, скажи, что от Меркулова и срочным порядком. Теперь повтори.

Сенька оказался мальчишкой смышленным. Сразу все сказал, как титулярный советник требовал, хотя Меркулов его на всякий случай попытал еще немного, чтобы от зубов все отлетало, и отложил письмо в сторону.

- Теперь вот это. Его надобно отдать после первого. К самому, – Меркулов поднял палец вверх, – тебя не пустят, отдашь камер-фурьеру, обычно он подобными делами занимается. Нет, так хоть дворецкому. Тут главное опять, чтобы сказал: «От Меркулова по поводу утерянной аховмедской святыни».

- И что потом?

- Со второго места тебя вряд ли отпустят, но ты не пугайся. Вреда тебе там не причинят, в обиду тоже никто не даст.

- А что за сам? – Сенька тоже поднял палец, подражая Витольду Львовичу, и даже опасно поглядел вверх.

- Это сам...

В этот момент что-то загремело на улице, и Меркулов молниеносно обернулся. Подскочил к окну, долго глядел в вечернюю мглу и потом вернулся обратно.

- Это сам... – Имя он уже сообщил Сеньке на ухо, и стало понятно по вытянувшемуся лицу мальчишки, выражавшему одновременно и страх и восторг, второе письмо было ему наиболее интересно.

- Далековато только, Ваше благородие. Долго бежать буду, – вовремя спохватился сияющий воришка.

- Кто ж тебя в такую погоду пешком пустит. Экипаж наймем. Ты, поди, под дождем пешком и

шел сюда?

Судя по виноватому лицу мальчишки, Витольд Львович попал в яблочко. Мих даже не удивился. Дай пацану денег, ясно дело, не станет их тратить на пустое. Вот только в чем глупость молодости – не понимает, что простынет сейчас, потом всю жизнь тратиться будет. Сколько таких историй знал орчук, когда за пятак и ноги себе после Крещения морозили, и голос за понюшку табака, бирючом устроившись, на всю жизнь срывали. Хотя чего тут говорить, сам такой был. Ум, он часто с опытом и с годами приходит, и то не ко всем.

– Да уже и затихает, – отозвался Мих, – еле крапает.

Дождь и вправду поумерил свой пыл, теперь большей частью капало с крыши, бежали ручьи, смывая грязь (вблизи доходных домов, правда, ливневка была плохенькой), почти утих ветер. Мих подумал, что сейчас сойдет вода и самое время будет пройтись по пустым улицам Моршана, непривычно чистого, несуетливого. Да только некогда.

– Иди поспи пока, в той комнате кровать, – кинул Витольд Львович Сеньке.

Мальчишка в тепле да после сытного ужина и правда разомлел, водил осоловелыми глазами вокруг и медленно моргал. Второй раз его уговаривать не пришлось. Прошлепал босыми ногами по полу, залез прямо в Михиной рубаше (а можно было и по-человечьи под одеяло лечь) на кровать, поворочался немного и засопел. Меркулов потрогал сохнущую одежду Сеньки, быстро отдернул руку, явно обжегшись, и схватился за мочку уха.

– Теперь что, господин? – Задал свой самый нелюбимый вопрос орчук. Хотя, с другой стороны, он не спросит – хозяин не скажет.

– Самое трудное, Мих, ждать. Еще пару часов, по моему представлению.

Уж что-что, а ждать Михайло Терентьев с подобным хозяином научился. И раньше был неспешный, вдумчивый, теперь же вовсе стал обстоятельный. Да и ожидание – не слезка какая, тут можно хоть весь день провести в удобствах. Лишь бы не на ветру да еда под рукой была. Поел, значитца, он только что, ноги сами на топчан понесли, потому можно и «подождать».

Орчук долго не противился и задремал. Слух у него отменный, ловкость с реакцией, хоть и не Меркуловские, но всяко лучше, чем у обычных людей, потому быстро в себя прийти может. Причем странно произошло, нечасто с ним такое было: глаза закрыл и понимал, что видит сон, что не на самом деле все происходит, однако ж будто и наяву, навроде тех картинок, что Галахов в университете своем показывал.

Идет Михайло по улице, в районе незнакомом. Домов понатыкано незнамо сколько, все высоченные, не меньше трех этажей. И кажется ему, что с каждого окна за ним наблюдают, порой даже шепот слышится, но стоит остановиться, сразу все затихает. А вместе с тем боязно орчуку на одном месте оставаться, понимает он, что надо дальше двигаться. Замрет на минутку, и нагонит его некто, от кого спасения нет.

Станный город, и фонари газовые не горят, будто не ухаживают за ними вовсе, и окна все чернотой зияют. Мертвый город. Лишь впереди движение, едва глазу уловимое, малозаметное. Понял теперь Мих, что чуть ли не бежит теперь, да в полную прыть, на какую только способен. Сменяются одни дома другими, проносятся мимо глухие проспекты, мелькают темные вывески, но и фигуры приближаются.

Скоро понял орчук, что за странность его беспокоит. Впереди два человека, не один. Только первый прямо на мостовой, на холодных камнях неподвижно замер, а второй над ним склонился. Смотрит, наблюдает. И самое страшное, что второй этот в плаще и в маске.

- Черный... - только и вымолвил Мих.

Сказал негромко, про себя почти, только тот в плаще услышал. Поднял голову, загоготал. Понимает орчук, что смех ему больно знакомым кажется, точно слышал его прежде, а вспомнить, кому принадлежит, не может. Только и думать об том Мих перестал, потому что понял, кто внизу лежит - господин его, Витольд Львович. Лицо бледнее обычного, губы в невероятной муке искажены, лоб нахмурен. А Черный, знай, гогочет.

Хотел орчук руку протянуть, чтобы до злодея дотронуться, да тот только хохотать перестал, глянул, точно кочергой горячей прихватил, и тут же Мих с ног повалился. Навис над ним Черный и тем же бесцветным голосом, которым полицмейстеру жизни угрожал, молвил.

- Ты хоть знаешь, кто я? Хоть знаешь?

Взял двумя пальцами маску да от лица отнял. Раз - ударило орчука так, что искры из глаз посыпались, два - в висках застучало, три - завертело. И снова, раз-два-три. Раз-два-три.

- Сиди, Мих, открою я, - сказал Витольд Львович.

Разлепил глаза орчук, насилу понял, что все лишь сон, мираж привиденный, кривда. Задышал часто, лоб утер, а у самого перед очами маска Черного, от лица отрываемая, и смех, смех.

- Ну что, господа, - показался на пороге Аристов, - пора начинать наше представление?

За экипажем Миху пришлось бежать аж квартал к стоянке извозчиков, шального ваньку ночью да в их районе поймать большая удача. Теперь после дождя зябко стало, хорошо, что Павел Мстиславович плащи принес. Он, конечно, больше от воды должен был защитить, сам по себе плохенький, тонкий, но все же лучше, чем ничего. Да и смотрелся в нем орчук грозно, устрашающе. Мундира теперь не видно, плотно он запахнул, только фигура большая в черную материю укутанная. Ванька даже сначала испугался, но деньги увидел да понял, что зла ему Мих не желает, повез к самому дому, а там уже господа с мальчишкой у подъезда стоят.

Аристов ни слова про Сеньку не сказал, лишь бровь его изогнулась, и улыбка нехорошая на лице появилась. Видно, подумал что плохое, когда нашел паренька в одной рубахе на кровати у Меркулова (аристократы много чем дурным балуются). Но когда Витольд Львович растолкал воришку, одежду сухую подал, письма вручил да заставил заново все повторить, насмешливость с Аристова слетела. Понял он, Сенька тут по делу не менее важному, чем сам дворянин.

Усадили паренька внутрь, тоже в плащ обрядили - им теперь ни к чему, а мальчишке все же теплее будет ехать. Меркулов извозчику сам адреса назвал, деньги вперед выплатил, что делалось очень редко (дабы у Сеньки мысли не возникло опять экономией заняться, дело ведь важное), а чтобы ванька не баловал, Аристов после всего к нему подошел да еще лишнее убеждение проявил.

- Случится что с пацаном или вдруг не довезешь, найду... - Павел Мстиславович руку протянул и на пальцах уже знакомые лепестки пламени заплясали, - и накажу. Ясно?

- Ну что вы, милостивый государь, и в мыслях не было мальчишку обижать. Нечто мы не православные?

Выпалил возница разом, точно из ружья дуствольного враз все пули выпустил, не сводя глаз с руки. Теперь точно довезет, да еще своей шкурой, коли придется, рисковать будет, угрожай Сеньке опасность какая.

- Где место для засады выбрали? - Повернулся Павел Мстиславович, только экипаж с мальчишкой скрылся за поворотом.

- Туда, - указал Витольд Львович рукой. Он, как и Аристов, был одет повседневно, один орчук все еще оставался в плаще, - я предполагаю, что Черный пойдет с центральной части города. Перехватить его без лишнего шума можно лишь в одном месте. Вот сюда, пожалуйста, Павел Мстиславович.

Они уже перешли на следующую улицу и свернули в темный проулок меж домами, достаточно длинный, чтобы тебя тут ограбили, и недостаточно широкий, чтобы хоть как-то его можно было осветить. С двух сторон он был стиснут сплошными стенами, чему Мих не подивился - радости от окон тут никакой, к соседу, что ли, смотреть? Хотя вместе с тем проулок выполнял весьма важное предназначение, соединял две большие улицы. Для конных и экипажей, конечно, значимость невеликая, а вот пешему люду днем проходить здесь удобно. Ночью, само собой, дело другое. Подобное место лучше обойти, крюк дать, но живым и невредимым остаться.

Будто в подтверждении всего, на пути показались две фигуры. Они было направились к господам, позади которых орчук виднелся. Вот ведь рискованное, дело даже не в численном преимуществе дворян - видно, какая громадина за их спинами идет. То ли отчаяние татями двигало, то ли иной мотив, но один из них полез за пазуху, явно за ножом или другим аспидным оружием.

Аристов лишь рукой махнул, вспыхнуло под ногами у разбойников, осветив худые небритые лица. У одного глаз заплыл, у другого нос кривой, поломанный, но в целом похожи друг на друга, точно братья. Теперь же и на физиономиях одинаковые выражения застыли - страха, панического жуткого страха, что каждый холоп перед господской магией, впервые увиденной, испытывает. Павлу Мстиславовичу даже говорить ничего не пришлось, бросились прочь с такой скоростью, какой бы и любой орк подивился. Оно и понятно, нужда нуждой, а жить всякому охота.

Прошли теперь проулок до конца, Меркулов указал на одну арку без ворот вовсе, говорящих, что двор тут плохенький, своего дворника не имеющий. Аристов дошел до нее, внутри скрылся, потом снова вынырнул, вернулся.

- Подходит.

- Тогда по местам, Павел Мстиславович, когда Черный в проулок войдет, вы это сразу увидите.

- Увижу, главное, чтобы не делся никуда снова, ловкий черт по вашим рассказам. Уж я его за сына накажу.

- Не того наказывать надо, но не до разговоров сейчас. Если вопросов больше нет, по местам.

Аристов в арке скрылся, а Меркулов с Михом обратно к началу проулка вернулись. Вышли прямо на улицу, по бокам встали, чтобы видно их не было, и затихли. Снова теперь минуты считать. Только не то ожидание, что у господина в квартире, нервы натянуты, точно тетива

лука, кровь бурлит, зубами скрипеть хочется. От нетерпения орчук даже переминаясь с ноги на ногу стал, но получил от хозяина неодобрительный взгляд и замер.

Сколько времени прошло, Мих уж не знал. Ежели спросил кто его, сказал бы, что целая вечность, а к ней еще пару часов прибавленных. Вроде, что тут Сеньке ехать до обер-полицмейстерства, а потом Черному обратно бежать? Сущие пустяки. Однако ж...

Застучали наконец торопливо каблуки по мостовой. Бежит кто, только не опрометью, как на пожар, а в определенном ритме, ровно как заводной. Ток-ток-ток-ток, ток-ток-ток-ток. Узнал, ох узнал поступь Мих. Еще мгновение, и усилился звук – оказался злодей в проулке. Выждал Меркулов мгновение, когда каблуки совсем рядом послышались, да вышел навстречу, а за ним и сам Мих. Черный, всего в пяти шагах оказавшийся, замер лишь на секунду, может, чуть большее, и тут же со всей прытью повернулся и обратно кинулся.

Да только и с противоположной стороны уже Аристов появился. Черный остановился аккуратно посередине, явно размышляя, как дальше поступить. А капкан тем временем стал сжиматься. Подходят с одной стороны орчук с Меркуловым, с другой Павел Мстиславович. Двигаются все неспешно, торопливость теперь дурную шутку сыграть может, противник опасный, не из простых разбойников.

Тут и Черный понял, что пора нечто предпринимать. Аристова он не признал, все-таки темно тут, а может, и вовсе никогда не видел рыжего аристократа, и скорее рассудил, что с титулярным советником встречаться желания у него намного меньше, потому к Павлу Мстиславовичу и кинулся. Не с добром или желанием лишь обогнуть дворянина на тот лад, как над орчуком перекувырнулся, показался в его руке короткий клинок. Видно, понимал, неслучайно его сюда загнали и теперь во что бы ни стало надо вырваться.

Испугался орчук, что больно резв окажется Черный для Аристова. По всей видимости, и Витольда Львовича подобная мысль посетила, набрал он воздуха, чтобы выкрикнуть, да не успел. Шагов шесть злодею оставалось, как вдруг так по глазам резануло, что не выдержал Мих, отвернулся. Светло стало, как и днем не всегда бывает, а может, лишь после темноты полной так показалось.

А когда смог орчук рассмотреть, что же там произошло, понял, некуда теперь Черному бежать, все пути к отступлению отрезаны. Окружен он был высокой стеной – ржаво-желтой, пылающей, живой, подбирающейся все ближе и ближе. Метался Черный, то вправо кинется, то влево, то наверх посмотрит, только тщетно все. Все ближе и ближе огненные тиски, все яростнее мечется лихоимец.

Уже и плащ опалаться стал, скукоживаться, к телу приставать, и одежда чуть ли огнем не пышет, однако не кричит Черный, молчит, стервец. Мих даже подивился выдержке. Он сам крепкого десятка был, но поставил себя на место преступника и решил, что орал бы как оглашенный. А этот ничего, молчит, терпит. Уже языки пламени подошвы сапог лижут, одежда, будто старая, на части распадается, но безмолвствует. Вот и звон послышался – распался от жара кошелек с деньгами, и покатались прочь монеты.

Застонал Павел Мстиславович, будто корова на убой идущая, негромко, протяжно. И так колыхнулся огонь в тот момент, что орчук снова глаза рукой прикрыл. Обдало Черного знатно, полезла с него одежда вместе с кожей, обнажая... Мих даже глазам своим не поверил – ярко сияющее посреди огня синее сердце. То не билось, скорее пульсировало, окруженное костями... Еще лучше присмотрелся орчук да рот открыл, не кости то вовсе, а лишь нечто, на них похожее, вокруг сердца тесно смыкающееся, вроде как защищая его. Вот только от огня

оборониться подобное не помогло.

Сначала пламя лишь лизнуло синь в груди Черного, но быстро и по-хозяйски подобралось вплотную, обняло, подчинило своей воле. Погас волшебный свет внутри злодея, превратилось сердце в кусок угля, тут и сам лихоимец рухнул безжизненно. Аристов еще подержал для верности огонь, потом руками взмахнул, и снова проулок окутала темнота.

Меркулов, явно сдерживая себя, дабы не бежать, проворно направился к телу Черного. Мих за ним, пот утирая, пышало жаром теперь от каждого кирпича в стене, от камней под ногами, от сгоревших останков Черного. А из самого проулка испарения поднимались, точно только что тут паровоз прошел. Аристов с другой стороны подошел, на господина поглядел, не сдержался и титулярного советника по плечу хлопнул.

- Вот ведь, Витольд Львович, вот ведь голова. Все правильно придумал. Только просчет вышел, не расплавился металл, интересно, из чего состоит?

- Выясним, - задумчиво ответит Меркулов, - Павел Мстиславович, подсветите немного.

Зарделась рука Аристова на манер факела, теперь и Мих все вокруг оглядеть смог. Лежал перед ними Черный голый, если можно было так говорить о существе, на которое орчук смотрел. На человека похож, да только общей схожестью тела все и заканчивается. И руки, и ноги, и туловище, и голова даже - все из металла, где поршнями что подкрепляется, где пружинами. Но сделано хитро, с множеством деталей. Большая часть из них, конечно, под таким жаром в негодность пришла, но все же общую картину составить можно.

Самое же забавное с этим сердцем. И правду окружено оно со всех сторон пластинами оказалось, видно, и было самым уязвимым местом. Хотел Меркулов потрогать черную труху, в которое то превратилось, да руку отдернул. Не остыло еще.

Заметил Мих и маску в виде человеческого фаса - крепилась она на завязках каких-то, потому отлетела от физиономии Черного. Само же лицо злоумышленника и на лицо вовсе похоже не было: ни рта, ни носа, ни глаз, отверстия лишь на их месте, без начинения, пустые совсем, будто тьма их выела. Не посмотришь на такое без содрогания, вроде и на человека похож, а не человек.

- Вы, Витольд Львович, так и не сказали, как догадались? - Тон Аристова стал приятельским, теплым. Видно было, доволен Павел Мстиславович как все вышло.

- Подозрения у меня разные были. Например, в первой драке мне Черный в скорости не уступал. Я, конечно, тогда значительно ослаблен был, но все же. Не каждый человек на подобное способен. Потом когда мы его на Краснокаменке преследовали, тоже ловок оказался. И стрелял в него, а все равно ушел, через Муху вовсе перепрыгнул, как акробат какой.

Орчук при этих словах согласно кивнул. На него, правда, никто и не посмотрел.

- Никак в толк не мог взять, как у него все получается?... Про штурм его квартиры вы, наверное, слышали. Понятно, что в газетах не писали, но у вас свои источники в полицейском ведомстве, - Аристов загадочно улыбнулся, но ничего не ответил, - тоже сбежал. Выпрыгнул из окна, под градом пуль проскочил, одного филера оглушил, второго убил и скрылся. Но повезло, что с нами тогда Николай Соломонович был.

- Чем же повезло? - Усмехнулся дворянин. - Глупый болван, дубина эдакая. Из-за него и упустили Черного.

- Так, да не совсем. Николай Соломонович вывод сделал, о пользе которого, наверное, и действительно сам не догадывался. Он сказал, что Черный нечто. Вы знаете об особенностях магии Истоминых?

- Вы уж меня, Витольд Львович, совсем не оскорбляйте, все же в Моршане живу, к Большой книге допущен.

- Я не про главную особенность, а второстепенную. На союзников Истомины влияют воодушевляющее, а на противников наоборот...

- Удручающе, - кивнул Аристов, словами Меркулова не удивленный, и тут же хлопнул себя по бедру, - вон как! На Черного не подействовала истоминская магия. Вот вы и решили, что он не обычное существо.

- Именно. А вкупе с чертежами, найденными на квартире... Там было изображено внутреннее устройство Черного, именно на моем листке рука. Могу предположить, для самостоятельной починки после повреждений. Осталось потом самое главное - найти и, что не менее трудное, обезвредить нашего общего недруга.

- Невероятно, - с изумлением взглянул Павел Мстиславович на неподвижное тело того, что ранее называли Черным, - но он же всего лишь кусок металла. Как же...

- Он механоид, признаться, подобного я никогда ранее не встречал и даже не слышал о подобных, но гоблинарцы искусники. Понимаете, невозможность тарстоунцев использовать магию толкнуло их в объятия науки. Вы, наверное, и сами знаете, что большая часть открытий принадлежит именно им.

- Витольд Львович, полноте, вы мне про дирижабли, бороздящие просторы бескрайних островов, потом расскажете. Что с механоидом? Ведь мало просто собрать, хоть и искусно, из металла человека. Надо его наделить подвижностью, да еще какой, по вашим рассказам, способность слушать, говорить, понимать. Ведь он был не просто бездушной болванкой.

- Вот здесь и заключается главное достижение гоблинарцев. Я не представляю, каким образом, но Черному давал жизнь артефакт, тот самый синий камень. Он похож на симарильские осколки, но те были маленькие, совсем крохотные, а этот, поглядите, какого размера... был. Но именно артефакт превращал этого механоида во вполне живого человека. Он был своего рода сердцем. Посмотрите, как искусно защищено оно от механических повреждений со всех сторон.

- И сколько таких Черных ходит по Моршану? - Помрачнел Аристов.

- Вряд ли здесь их армия. Сомневаюсь даже, что есть еще один подобный. Все же производство самих механоидов, посмотрите, как искусно сделан, довольно трудоемко, а уж про артефакт я вообще молчу. Это рукотворное творение, едва ли конвейерное.

Витольд Львович осторожно потрогал грудь Черного, видимо, пробуя, остыл ли метал. Немного повозился, ощупывая пальцами каждую мелочь, куда-то нажал, и одна из пластин, подобно цветочному лепестку вдруг отошла, обнажив угольное, сгоревшее сердце. С великой опаской Меркулов прикоснулся к утратившему силу артефакту, но от легкого прикосновения «сердце» осыпалось на мостовую множеством мелких частичек. Титулярный советник вздохнул и поднялся.

- Боюсь, секрет этого артефакта потерян.

- Может, удастся хоть что-то сказать по его остаткам, - предположил Аристов, на что Меркулов лишь пожал плечами.

- Павел Мстиславович, у меня к вам большая просьба, оставайтесь теперь здесь. Нельзя допустить, чтобы кто угодно прикасался к Черному. Вы ведь знаете наш народ, растащат для бытовых нужд. А я, как смогу, к вам пришлю кого-нибудь.

- Как же вы? Ведь предатель, тот кто послал Черного, еще жив и вполне себе здоров. Думаю, вряд ли он будет сидеть и ждать. Именно теперь надо брать этого голубчика за грудки.

- Именно этим... - Витольд Львович отошел на несколько шагов и присел возле уроненного механоидом кошельком, и принялся собирать монеты. Некоторые были оплавлены, но другие оставались вполне пригодными для торга, - я и буду сейчас заниматься. Понимаете, Павел Мстиславович, в деле с Черным нужна была невероятная сила или мощная магия. По-другому его не победить. А вот чтобы одолеть предателя из полицмейстерства нужно нечто другое.

- Что же?

Витольд Львович улыбнулся, явно довольный собой.

- Немного хитрости и возможность заманить противника в его же ловушку.

<http://tl.rulate.ru/book/9351/187723>